

СЮЖЕТ ДЛЯ ДЕТЕКТИВА

15 сентября 1990 года исполнилось сто лет со дня рождения знаменитой английской писательницы Агаты Кристи. Мы предлагаем читателю отрывок из ее автобиографии. Написанные около тридцати лет назад, ее слова звучат сегодня удивительно своевременно, а сама леди Агата предстает не только талантливым писателем, но и мудрым человеком с большой душой, откликающейся на все боли людей.

«Убийство у викария» вышло в свет в 1930 году, но я не помню, где, когда и как и почему оно было написано, как возник новый персонаж для роли сыщика — мисс Марпл. Конечно, в то время я не собиралась иметь с нею дело всю мою жизнь и не могла предвидеть, что она станет так же известна, как Эркуль Пуаро.

В письмах читатели все время предлагают мне устроить встречу мисс Марпл и Эржуля Пуаро — но к чему это? Ведь ясно, как божий день, что это не доставит им удовольствия. Эркуль Пуаро, совершеннейший эгоист, отнюдь не будет в восторге, если эта бабулька станет вмешиваться в его работу. Он профессиональный сыщик, в мире мисс Марпл ему будет неуютно. Нет, они оба звезды, и каждая звезда сама по себе. Они не встретятся, если только вдруг мне этого безумно не захочется.

Теперь «Убийство у викария» мне меньше нравится. Книга перегружена персонажами и сюжетными линиями. Но все-таки главный сюжет добротный. Деревня очень достоверна — до сих пор есть реальные деревни, как две капли воды похожие на мою. Молодые горничные из сиротских приютов, вышколенная прислуга, стремящаяся в более светское общество, ушли в прошлое, но приходящие домработницы, сменившие их, такие же колоритные, хотя в классе своим предшественникам заметно уступают.

Мисс Марпл вошла в мою жизнь так вкрадчиво, что я сама едва заметила ее появление. В цикле из шести рассказов для одного журнала у меня появилась идея — выбрать шесть собеседников, они собирались бы в какой-нибудь деревушке раз в неделю и описывали бы какое-нибудь нераскрытое преступление. Сначала появилась мисс Марпл, похожая на стареньких подружек моей бабушки, столько раз виденных мною в детстве. Мисс Марпл и моя бабушка очень разные. Мисс Марпл гораздо светлее, у нее такие стародевичьи повадки. Их родило одно — при всей своей жизнерадостности они всегда ожидали самого худшего, и их ожидания сбывались с удручающей неизменностью.

Бабушкины пророчества — это была страшная вещь. У моих брата и сестры была ручная белочка. Она жила в доме около года, и вот однажды бабушка подобрала ее со сломанной лапкой и сказала: «Помните мое слово! В один прекрасный день эта белочка вспрыгнет в трубу и будет такова». Через пять дней белочка действительно убежала через трубу камина.

А потом был случай с кувшином. Десять месяцев он стоял себе спокойно на полке над дверью в гостиную. «На твоём месте, Клара, — сказала бабушка маме, — я бы убрала его. Кто-нибудь хлопнет дверью, или будет сильный ветер, и он упадет».

Через несколько дней во время грозы дверь хлопнула, и кувшин свалился с полки. Наверно, это было второе зрение. Во всяком случае, я наделила мою героиню долей бабушкиного провидческого дара. В ней не было недоброжелательности, она просто не доверяла людям. Но, ожидая худшего, она зачастую относилась к людям лучше, чем они того заслуживали.

Мисс Марпл появилась на свет в возрасте 65—70 лет. Это, как и у Пуаро, было неудачно придумано, ведь ей суждено было долгое время быть частью моей жизни. Будь я наделена «вторым зрением», я бы обзавелась каким-нибудь молкососом в качестве первого детектива, тогда бы мы старели вместе.

Я снабдила мисс Марпл пятью партнерами для шести рассказов. Первым был ее племянник, модный писатель, автор книг с «клубничкой» — кровосмешение, секс, смакование постельных сцен и принадежности для уборной, — словом, Раймонд Вест вглядывался в неаппетитную сторону жизни. К милой, хорошенькой старенькой трещотке тете Джейн он относился покровительственно — она ведь совсем не знала жизни. Потом я произвела на свет молодую художницу. У них с Раймондом складывались своеобразные отношения. Затем появились пожилой присяжный поверенный мистер Петтигрю, суховатый и проищательный, местный доктор, — от него герои узнавали о проиществах, над которыми можно вечером поломать голову, и священник.

Мне бывает очень трудно вспомнить, когда та или другая книга была написа-

на. Сюжеты возникают так неожиданно — когда идешь по улице или когда тебя заинтересует шляпка в витрине. Вдруг тебя осеняет великолепная идея: «Вот так можно аккуратно скрыть преступление, и никто не догадается». Конечно, над деталями еще придется поработать, и люди внедряются в мое сознание постепенно, но великолепную идею я заносю в тетрадку.

Прекрасно — но затем я обязательно тетрадку теряю. Под рукой у меня их обычно полдюжины, я туда записываю идеи, которые приходят в голову, или название лекарства или яда, или уменьшительное мелкое мошенничество, описанное в газетной заметке. Конечно, если бы в моих записях был порядок, жизнь моя была бы намного легче. Но так приятно, просматривая старые записи, натолкнуться на что-то неразборчивое, типа: «Возможный сюжет — сделал сам — девушке, но не сестра — август». Это канва сюжета. Я и сама теперь не вспомню, что я имела в виду. Но это часто дает толчок если не для восстановления старого, то для нового сюжета.

Агата КРИСТИ

Есть сюжеты, которые манят меня, о них приятно думать, с ними забавляешься, зная, что в один прекрасный день они лягут на бумагу. Роджер Экرويد долго гулял у меня в голове, пока все детали не выстроились в сюжет.

Когда я начинала писать детективы, я не собиралась ни анализировать их жанр, ни серьезно обдумывать проблемы преступности. Детектив — это история погоны, в большей степени это рассказ с моралью, добрая сказка, где Зло загоняют в угол, а Добро торжествует. Во время войны 1914 года тот, кто делал зло, не был героем, все было однозначно — враг был плохой, герой был хорошим. Мы тогда еще не погрузились в психологию. Как и все, кто читал книги или писал их, я была против преступника, за невинную жертву.

Никому и в голову не могло прийти, что настанет время, когда детективы будут читать из любви к насилию, из-за садистского удовольствия от жестокости как таковой.

Казалось бы, общество должно в ужасе восстать против подобных вещей, но сегодня жестокость стала обыденным явлением. Мне до сих пор это непонятно — ведь в большинстве своем люди добрые и отзывчивые, они всегда придут на помощь тем, кто старше, они всегда рады оказать тебе услугу, помочь. Есть, конечно, незначительное меньшинство, которое я называю «ненавистниками», но, как все меньшинства, оно дает себя знать больше, чем большинство.

Когда пишешь книги о преступлениях, невольно начинаешь интересоваться криминалистикой. Мне очень интересно читать книги людей, которые соприкасались с преступниками, пытались помочь им или исправить их. Конечно, есть люди, подобные шекспировскому Ричарду III. Их девиз: «Зло, ты благо для меня». Они избирают зло, подобно Сатане у Мильтона — он хотел власти, он хотел славы, он хотел быть равным Богу. В нем не было

любви, не было смирения. Лично я за свою жизнь пришла к твердому выводу — где нет смирения, люди погибают.

Одна из радостей в моем ремесле — это разнообразие стилей: легкомысленный боевик — над ним так приятно работать; запутанный детектив с замысловатой интригой — сложный по технике, там много работы, но это благодарный труд. Но есть детективы, которые можно назвать детективами со страстью. Эта страсть — стремление помочь невинным. Невинность, а не вина — вот что важно.

Не стану клеймить убийц, но я считаю, что они несут обществу зло, они сеют ненависть, а берут от общества все, что могут. Готова поверить, что они так созданы, с каким-то дефектом, за это их можно пожалеть, но не пощадить. Не их, а невинных нужно оберегать, чтобы они могли жить в мире, даря милосердие соседям.

Это страшно, как мало люди сочувствуют невинным. Никто не думает, прочитав заметку об убийстве, как было страшно и больно хрупкой старушке из маленькой табачной лавочки: молодой иромила нанес ей несколько смертельных ударов, когда она отвернулась, чтобы подать ему пачку сигарет. Никто не сочувствует агонии жертвы — сочувствуют убийце, ведь он так молод.

Почему мы не казнили его? Мы убивали волков, а не пытались научить их пастись с овечками — вряд ли бы нам это удалось. Мы затравили вепря в горах — чтобы он не убивал детей у источника. Это были наши враги — и мы их уничтожали.

Как же нам поступать с теми, кто заражен бациллой жестокости и ненависти, кто ни в грош не ставит чужие жизни? Эти люди часто живут в хороших домах, получают первоклассное образование, у них есть перспектива в жизни, а они оказываются просто-напросто злодеями. Есть ли лекарство от злодейства? Как можно поступить с убийцей? Пожизненное заключение? Но это более суровое наказание, чем чаша с цикутой в Древней Греции. По моему мнению, лучший ответ — изгнание. Пустынный остров, заселенный примитивными племенами, где он будет жить в более суровых условиях.

Нужно признать, что те черты, которые мы сейчас осуждаем, были когда-то достоинствами. Без бесщадности, без жестокости, без полного отсутствия милосердия человек бы, наверное, не выжил как вид, был бы очень быстро стерт с лица земли. Злой человек мог бы преуспеть в прошлом — он тогда был необходим. Сейчас такие люди не нужны, более того, они опасны.

Единственный выход, по-моему, это заставить такое существо делать какое-то полезное для общества дело. Например, предложить ему выбор между чашей с ядом или ролью подопытного кролика. Во многих медицинских исследованиях результат надо проверять только на человеке — животные для этой цели не подойдут. Теперь ученый, увлеченный идеей, сам рискует жизнью, а можно дать ему человеческий материал для экспериментов, на определенный период. Если они выживут, они искупят свою вину, будут свободны, и киновою клеймо сотрется у них со лба.

Может быть, это и не изменит их. «Мне повезло, — подумают они, — я выбрался сухим из воды». Но то, что они сделают доброе дело для общества, все-таки сдвинет что-то в их душе. Не следует ожидать слишком многого, но не следует и терять надежду. Жизнь им подарила шанс совершить достойный поступок и уйти от заслуженного наказания. В их силах начать жизнь сначала. Может быть, они все-таки изменятся? Может быть, они начнут гордиться собой?

Если нет, остается только молить Бога сжалиться над ними. Не в этой жизни, так в следующей они могут «подняться на ступеньку выше». Но все равно невинные гораздо важнее. Те, кто искренне и отважно живет в наше непростое время, требуют, чтобы их защитили и оградил от вреда. Вот с этими людьми и нужно считаться, о них думать в первую очередь.

Когда-нибудь, наверное, найдут лекарство от зла в людях, ведь нас уже научились замораживать, и сердца нам пересаживают, научатся пересаживать наши гены и изменять клетки. Вспомните, сколько было кретинов, пока не был раскрыт механизм влияния на интеллект избыточной или недостаточной работы щитовидной железы.

Я порядочно отвлеклась от моих детективов, но теперь, может быть, станет ясно, почему в моих книгах меня больше волнуют жертвы преступления, чем преступники. Чем полнокровнее выходит жертва, тем горячее я ей сочувствую, разделяю негодование и торжествую вместе с человеком, которого мне удалось вырвать из долины, где витает тень смерти.

Перевела с английского
Алла ЭПШТЕЙН.